

*Памяти сотрудника полиции
города Копейска
Андрея Анатольевича Миронова*

25 мая 2003 г. в городке под названием Копейск, расположенном в Челябинской области, рано утром на территории детского сада №27 в зарослях молодого клена были обнаружены тела двух девушек с явными признаками насильственной смерти. Особый трагизм ситуации придавал тот факт, что девушки были одеты в школьную форму — такую, какую принято надевать на выпускной вечер: белые гольфы, белые фартуки, банты и форменные платья. Так началась история поиска и поимки одного из самых неоднозначных серийных убийц начала 2000-х гг. — история, длившаяся 15 лет.

Надо сказать, что сам по себе факт обнаружения двух убитых людей не был в то время для Копейска чем-то неординарным. Случай насильственного лишения жизни встречались по несколько раз в неделю — разрешение конфликтов при помощи разнообразных подручных предметов носило рутинный характер, и так называемые бытовые убийства, являющиеся с юридической точки зрения тяжкими телесными повреждениями, повлекшими смерть (ст. 111 ч. 4 УК РФ), считались чем-то едва ли не естественным. Такая картина общественной жизни была обусловлена разными причинами. История города способствовала появлению особого населения — сурового и (как выражаются в некоторых кругах) вполне конкретного.

Первое упоминание о татарском поселении Тугайкуль, расположенном на месте современного Копейска, датируется

1610 г. Тогда это была относительно дикая лесостепная территория с широкими озерами. В 1736 г. здесь, на берегу реки Миасс, на стыке торговых путей, была заложена Челябинская крепость, и регион стал активно развиваться. Климат Южного Урала не отличался (как, впрочем, не отличается и сегодня) курортностью и комфортом — жаркое лето длилось относительно недолго, осень переходила в раннюю и долгую зиму с сильными ветрами, снегопадами и морозами за минус 30 градусов. Тем не менее к первой половине XIX в. в регионе проживало уже довольно много разного народа: военные, торговцы, рабочие. Не исчезло и местное население — многочисленные татарские поселки существуют в этих местах по сей день. Характерное для всей страны активное промышленное строительство затронуло и Южный Урал, тем более что здесь, в предгорье Уральских гор, были обнаружены огромные запасы полезных ископаемых разного рода: от нефти до драгоценных камней.

В будущем городе Копейске жизнь в полной мере забурлила с 1832 г., когда 19 августа горный инженер Иван Редикорцев обнаружил недалеко от Челябинска выходы пластов каменного угля, открыв огромные антрацитовые месторождения. Именно с этого времени началось формирование множества рабочих поселков, определивших облик современного Копейска. Добыча каменного угля велась тогда закрытым способом, и для строительства шахт в регион стали стягиваться работяги и другой пролетариат со всей страны. Быструму росту числа шахт и формировавшихся рядом с ними поселков, где обитали те, кто в этих шахтах трудился, способствовало относительно неглубокое залегание угля, который был основным сырьем — на нем работали крупные промышленные комбинаты, фабрики, а также активно развивавшийся железнодорожный транспорт. Каменный уголь использовался для отопления, к тому же шел

на экспорт. До интенсивного использования нефти оставалось еще полстолетия, и антрацит имел основное стратегическое значение для развития страны. Многочисленные рабочие поселки получили общее название Челябинские Копи и стали быстро разрастаться. Таким образом, сформировавшее город население изначально являлось в основном рабочим, простым, в большинстве неграмотным, притом состояло отчасти из уголовного элемента.

В 1907 г. была открыта первая официальная шахта «Екатерининская» (прежде шахтное строительство имело в основном стихийный и неорганизованный характер), и этот год считается датой основания города (тогда еще носившего имя Челябинские Копи). Рабочее население, составлявшее основную часть жителей, имело своеобразные,ственные и другим подобным регионам привычки — из-за этого город с самого начала его существования был неспокойным и даже криминальным. На примере Челябинской области хорошо видна разница между городами с разной историей. Так, Миасс, получивший активное развитие как наукоград, куда стремились и командировались в основном люди науки, специалисты со средним и высшим образованием, по сравнению с Копейском считался тихим и спокойным местом, где можно теплой летней ночью запросто гулять без опасения быть убитым, покалеченным или ограбленным. Между

Герб города указывал на рабочую, шахтерскую его природу, однако некоторые сотрудники милиции шутили, что на нем изображен не шахтерский молоток, а обобщенное орудие убийства, часто используемое гражданами

тем ночная прогулка в Копейске даже во время описываемых в книге событий была чревата как минимум поступлением в больницу в качестве пациента.

Пролетарский Копейск приветствовал Октябрьскую революцию (что вполне объяснимо), местное население активно участвовало в революционных событиях, Гражданской войне; за это город в 1925 г. удостоился ордена Боевого Красного знамени (между прочим, эту почетную награду получили всего шесть городов молодого Советского Союза). После Великой Отечественной войны Копейск по-прежнему был в основном рабочим городом; эвакуированный в войну из Горловки машиностроительный завод им. С. М. Кирова так здесь и остался, заняв одно из ведущих мест в копейской промышленной иерархии — кирпичный завод, швейная фабрика, завод изоляции труб, ремонтно-механический завод и множество других предприятий находились практически в городской черте. Вне ее, но не так уж далеко был завод «Пластмасс», выпускавший (официально) стиральные машинки, которые никто никогда не видел, зато время от времени в городе слышались глухие подземные взрывы и ощущалось дрожание земли. В такие моменты горожане понимающие улыбались и объясняли людям не местным, что на заводе «Пластмасс» идут испытания стиральных машинок.

Активно велась и шахтная добыча каменного угля. Более десятка шахт — «Капитальная», «205-я», «Центральная», «Красная горнячка» и др. — окружали город со всех сторон и, как уже было сказано, поддерживали жизнь рабочих поселков, которых на момент описываемых событий было множество: Железнодорожный, Птанино, Горняк (в народе — Говняк), Вахрушево, поселок Бажова (в народе — Бомжово), Кадровик, Старокамышинск (в народе — Татарокамышинск), Козырево, Калачево, Октябрьский и др. Все они входили в состав города, хотя располагаются на довольно большом расстоянии друг от друга.

Унылые межпоселковые пейзажи с торчащими террикониками – такая картина представлялась за городом. Терриконики – отвалы породы, извлеченной из угольных шахт, были и местом игр местных детей, и местами сокрытия трупов, и просто своеобразной визитной карточкой Копейска

Некоторые поселки были вполне цивилизованными, другие же представляли собой дикие места, где отсутствовали электричество, канализация и никто не имел понятия, сколько именно людей там проживает. Заброшенные, полуразрушенные дома на окраинах таких поселков служили пристанищами для разнообразного асоциального элемента. Тут были и местные жители, и привозные алкоголики, которых транспортировали из соседнего Челябинска. Делали это так называемые черные риелторы: они обманывали путем заполучали квартиру бедолаги, отнимали у него паспорт, а его самого вывозили в поселок, ставили в качестве «подъемных» ящик водки и уезжали. Люди без документов жили в своеобразных гетто – без света и элементарных удобств. Подобные поселения автор наблюдал в Дели, где имел возможность посетить знаменитые трущобы и пообщаться с местными жителями.

Наконец, облик и дух Копейска определяли четыре исправительно-трудовых колонии, расположенные также в черте города. Учреждения ЯВ 48/11, ЯВ 48/1, ЯВ 48/15, ЯВ 48/6 специализировались каждое на определенном производстве: где-то обрабатывали камень, где-то древесину, где-то занимались швейным делом. Нередко заключенные, освободившись, оседали тут же, в одном из рабочих поселков, привнося свои привычки и обычаи в без того суровую жизнь местного населения. Ввиду недостаточного финансирования местной судебной медицины Копейское отделение судебно-медицинской экспертизы, пользуясь хорошими взаимоотношениями с исправительными учреждениями, периодически заказывало у них рабочие фартуки, куртки для выезда на места происшествия, а иногда даже рабочие инструменты. Речь шла не о той сувенирной (хотя и очень красивой) продукции, которую можно было приобрести в торговом ларьке у въезда на территорию колонии, а о качественном инструменте из хорошей стали с рукояткой, сделанной под конкретную руку. Подобный инструмент долго сохранял остроту и служил много лет.

Таким образом, в начале 2000-х гг. город представлял собой относительно небольшой центр, застроенный и современными многоэтажками, и хрущевками, и деревянными бараками (их соорудили еще пленные немцы), вокруг которого располагалось множество рабочих поселков, разбросанных на большой площади. В деревянных бараках проживало множество людей, хотя кое-где в таких строениях отсутствовали деревянные полы — прямо на землю были уложены какие-нибудь покрытия, что под руку подвернется. Однако это все же была недвижимость, за обладание которой между наследниками подчас разыгрывались целые побоища.

Преступность в городе в то время находилась на довольно высоком уровне. Для ясности можно сказать, что процент насильственных смертей в Копейске был выше, чем в расположеннном рядом миллионном Челябинске. Нарушения закона, такие как причинение различного вреда здоровью, кражи, грабежи, убийства, половые преступления, встречались до того часто, что казались чем-то обыденным и неудивительным. Местные судебно-медицинские эксперты, в число которых входил и автор этой книги, имели дело и с совсем жуткими историями. Встречались случаи каннибализма; убийства детей родителями ради получения денег на детские пособия, на которые можно было купить сахару, чтобы поставить брагу; шабаши подростковых банд, с особой жестокостью убивавших лиц без определенного места жительства и снимавших с них скальпы (кстати, не всегда с мертвых); войны между отдельными семьями (иногда конфликты носили характер вендетты и длились многие годы); цыганские казни соплеменников (автор прекрасно помнит несколько случаев, когда отцы или старшие братья убивали молодых девушек за добрачное сожительство); множественные убийства — двойные и тройные (однажды автор был вызван на двойное убийство на городской свалке, а оказалось, что трупов там пять); бесконечные случаи обнаружения частей расчлененных тел (местные жители шутили, что когда на озере Курлады сильная волна, на рыбалку лучше не ходить, ибо в сети вместе с рыбой может попасть человеческая нога или голова); подпольные abortionы, разнообразию видов которых мог бы позавидовать сам Андрей Ломачинский, автор книги «Криминальные abortionы»; и еще многое, многое другое, весьма интересное в судебно-медицинском плане. Достаточно сказать, что за семь лет деятельности в славном городе Копейске автор поработал со всеми видами травматизма, включая

такие экзотические, как переезд сеялкой или травма рогами коровы и копытами лошади.

Если в центре, где преобладали многоквартирные дома, ночи проходили относительно спокойно, то в рабочих поселках с вечера до утра было довольно оживленно, и редкую ночь автор не просыпался от лая собак во дворе или от стука в оконное стекло (местные джентльмены по ночам прода-вали всякие нужные в хозяйстве вещи, до этого приобретен-ные ими не очень честным путем). Криминального колорита в статистику местного отделения судебно-медицинской экс-пертизы добавлял (и еще как!) расположенный по соседству Красноармейский район. Формально он не входил в состав Копейска, но находился в зоне обслуживания копейской судебной медицины, поэтому эксперты считали эту тер-риторию своей. Почему-то так получалось, что все самые абсурдные преступления совершались именно на террито-рии Красноармейского района (сейчас он выведен из зоны обслуживания Копейского отделения СМЭ). Из вышеизло-женного понятно, что к криминальным сводкам город был вполне привычен.

Но в тот ясный, солнечный воскресный день 25 мая картина преступления оказалась дикой даже по копей-ским меркам. До конца не вполне ясно, кто первый обна-ружил тела девушек, можно лишь уверенно сказать, что произошло это не ранним утром. Скорее всего, их нашел какой-то местный житель, решивший сократить свой путь через территорию детского сада. О произошедшем было немедленно доложено в дежурную часть УВД города, откуда сообщение о событии преступления было в 12:00 передано в копейскую прокуратуру. В 13:10 на место обнаружения трупов прибыла следственно-оперативная группа, немед-ленно приступившая к осмотру. Возглавлял ее следователь Копейской городской прокуратуры Иван Владимирович

Змеев, следователь хотя и молодой, но внимательный и обстоятельный.

В начале 2000-х следствие разделялось на так называемое прокурорское (относящееся к прокуратуре — такие следователи носили погоны с синими просветами, то есть полосками), и милиционерское (относящееся к УВД — у его представителей были погоны с красными просветами); до создания Следственного комитета было еще несколько лет. В следствии в то время можно было еще встретить опытных сотрудников со стажем службы более 20 лет, представителей старой, классической сыскной школы. С каждым годом их становилось все меньше (некоторые уходили на пенсию, некоторые — на повышение), а явившиеся им на смену молодые следователи не задерживались долго на своих местах, быстро двигаясь наверх по служебной лестнице. Таким образом, уже к середине 2000-х гг. преемственность практически распалась, традиции отечественного сыска почти прервались. Тем не менее И. В. Змеев дело свое знал и подходил к нему очень ответственно.

Кроме него на месте происшествия присутствовали двое понятых, а в состав следственно-оперативной группы вошли также эксперт-криминалист УВД Копейска Раснер,

Иван Владимирович Змеев на момент описываемых событий был молодой, но ответственный и порядочный следователь, к тому же обладающий разборчивым почерком, за что был очень ценим сотрудниками местной судебно-медицинской экспертизы

Сергей Георгиевич Швабауэр много лет возглавлял копейскую милицию. Приземистый, с суровым взглядом, он не любил много говорить, но иногда не жалел крепких выражений, давая оценку действий своих подчиненных. Он был хорошим человеком и уважаемым руководителем

по 2016 г., пройдя путь от инспектора до начальника уголовного розыска, прекрасно знал и оперативную, и следственную работу и неоднократно лично выезжал на резонансные преступления. (Стоит добавить, что Сергей Георгиевич являлся почетным жителем города Копейска, имел множество наград. Полковник Швабауэр ушел из жизни в 2022 г.) Практика выезда начальства на места преступления применяется до сих пор, и это очень правильно, поскольку и руководителю картина преступления становится более понятной, и подчиненные в присутствии начальства проявляют недюжинное рвение и усердие.

Территория муниципального образовательного дошкольного учреждения, или, говоря проще, детского сада №27,

следователь прокуратуры Челябинской области Смирных, заместитель прокурора города Минкин и заведующий Копейским межрайонным отделением Челябинского областного бюро судебно-медицинской экспертизы Мартыненко. Впрочем, ими количество участников осмотра не исчерпывалось. На месте происшествия побывало еще множество сотрудников — оперативные работники, начальник криминальной милиции, сотрудники прокуратуры. Прибыл даже начальник УВД города Сергей Георгиевич Швабауэр.

Этот человек возглавлял копейскую милицию с 1997

4/14
63

Схема к протоколу
о сквозном проходе в подвал детского сада №27

Территория детского сада №27 была лишь условно огорожена – любой желающий мог проникнуть внутрь и весело провести время. Обилие веранд, песочниц и беседок делало времяпрепровождение максимально комфортным. Несмотря на то, что почти каждую ночь здесь собиралось множество народа, свидетелей убийства школьниц не нашлось

своей южной стороной была обращена к довольно большой улице Петра Томилова, от которой ее отделял металлический сетчатый забор. Этот забор огораживал всю территорию детского сада, при этом почти вплотную к ней с боков прилегали дворы находящихся неподалеку жилых многоэтажных домов №11 и №13. Далее к югу от улицы Петра Томилова располагался проспект Победы – одна из основных городских магистралей, а к востоку, очень близко от детского сада №27, находился Копейский автовокзал – средоточие городской жизни. Не было ничего удивительного в том, что в металлической сетке забора со стороны улицы Петра Томилова имелось сразу три разрыва, сделанных, по всей видимости, находчивыми горожанами, проводившими на территории детского сада свой досуг, о чем еще будет сказано ниже. Это

сейчас территории дошкольных учреждений огораживаются надежно и в ограде, как правило, имеются непрозрачные пластиковые вставки, а тогда целостности ограждения никто не придавал особого значения, и на «огороженный» участок мог свободно проникнуть любой желающий. Непосредственно за забором на детсадовской территории были скамейки, три детские песочницы и по бокам две веранды, отделенные друг от друга редкими кустами. В глубине стояло основное здание, вокруг которого шла бетонная дорожка. Между ней и металлическим забором, преимущественно по боковым сторонам, имелись довольно густые заросли молодого клена. Весна в тот год не запоздала, и все ветви были покрыты листьями, за которыми трудно было изда-лека что-нибудь рассмотреть.

Здание детского сада было типовым, расположенным в глубине территории. Левая стена не имела окон, и именно у нее были обнаружены трупы девушек

Как раз в этих кустах, у левого торца здания детского сада, и оказались оба трупа (на схеме указаны крестиком). Еще при подходе к месту, где лежали тела, на бетонной дорожке был обнаружен «фрагмент белья красного цвета синтетического материала», который являлся трусами одной из жертв; его изъяли с места происшествия. Первый труп находился почти вплотную к стене блока здания, тело лежало на спине, ноги были согнуты в тазобедренных и коленных суставах, приведены к груди. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая несколько согнута в локтевом суставе, кисть прижата к поясу платья. Одежда на трупе пребывала в полном беспорядке: форменное коричневое платье с манжетами и воротничком белого цвета было измято и покрыто фрагментами листвы и сухой травы, поднято до уровня груди, ткань его на наружной поверхности левого рукава на участке около 35×7 см, равно как и на спинке на участке 23×27 см, испачкана подсохшей сероватой грязью. Красный бюстгальтер был смещен вверх до уровня шеи, молочные железы частично обнажены. Обуви на трупе не было, черные капроновые гольфы спущены до уровня щиколоток, несколько испачканы подсохшей черно-серой грязью. В проекции первого пальца правой стопы на ткани гольфа был обнаружен разрыв длиной около 7 см. Других повреждений одежды не обнаружили, что выглядело несколько странно, учитывая признаки, свидетельствовавшие о сопротивлении жертвы. Трусы на трупе отсутствовали. Не оставалось никаких сомнений, что трусы, найденные на бетонной дорожке, принадлежали именно этой девушке. На запястье левой руки трупа имелись кварцевые часы «OMAX», корпус которых был покрыт подсохшей темно-сероватой грязью. Отверстия рта и носа оказались испачканы красновато-сероватой мутной жидкостью в виде линейных горизонтальных потеков. Такая жидкость часто образуется при развитии отека ткани легких

и выделяется наружу через какое-то время после смерти, с началом развития посмертных изменений.

На шее трупа, в средней ее трети, была обнаружена туга затянутая петля, изготовленная из ремешка черного цвета шириной 1 см из кожзаменителя. На задней поверхности шеи справа ремень был завязан двумя узлами. На передней поверхности шеи справа под петлей был найден фрагмент такого же ремня длиной 15 см, свободный конец которого заканчивался металлическим карабином коричневого цвета, а противоположный конец идеально сопоставлялся с одним из концов глухой петли, затянутой на шее. На задней поверхности шеи справа и слева под петлей оказались зажатые волосы, сплетенные в косы, с вплетенными в них белыми лентами и бантиками. Под петлей явно просматривалась странгуляционная борозда — след от давления петли на кожу шеи. Такая борозда практически всегда образуется при странгуляционной асфиксии и бывает разного характера и вида: замкнутая и незамкнутая, одиночная и множественная, явно и неявно выраженная. На месте обнаружения трупа подробное описание странгуляционной борозды обычно не проводится, поскольку снимать петлю с шеи запрещено, а сместить ее получается не всегда. В данном случае как раз так и было — петля была затянута настолько тую, что сдвинуть ее и осмотреть борозду под ней не получилось.

Здесь же, в кустах, на расстоянии около 1,5 м от первого трупа и около 2,5 м от бетонной дорожки, располагался труп второй девушки. Он лежал на спине, ноги были согнуты в тазобедренных и коленных суставах и приведены к груди. Правая рука зацепилась за ствол кустарника, левая вытянута вдоль туловища, кисть ее также располагалась между стволами кустов. На груди трупа поверх одежды лежала связка ключей, которые, судя по всему, были оставлены преступником уже после наступления смерти. Одежда на этом трупе

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru